

Татьяна Бирюкова

Юрий Валентинович Трифонов

(28.08.1925-28.03.1981)

С прозой Юрия Трифонова я познакомилась в начале девяностых, тогда прочитала «Дом на набережной». В то время мы с друзьями буквально глотали книги, которые принесла перестройка, передавая их друг другу. Всё было интересно, история представляла совсем по-другому, многое раньше умалчивалось, многое удивляло, и вдруг открылось. Бурно обсуждали прочитанное, осмысливали, делились впечатлениями.

Юрий Валентинович Трифонов – одна из главных фигур литературного процесса 1960-1970-х годов., советский писатель, поэт, мастер «городской» прозы, ещё в школе заинтересовался литературой, сочинял стихи и рассказы. В 1944 поступил заочно в Литературный институт имени А. М. Горького, на отделение прозы.

Дебют Трифонова, как прозаика, состоялся в 1951 году и был блестящим. Дипломный роман «Студенты» был напечатан Твардовским в «Новом мире». То, что рукопись взял центральный литературный журнал, казалось необыкновенной удачей. Присуждение роману Сталинской премии стало ошеломительным успехом. Действие романа разворачивалось в послевоенной Москве, описанной с яркими деталями. В сюжете увлекательно переплетались личные отношения студентов с интригами преподавателей и разворачивающейся в институте борьбой с «космополитизмом», в которой комсомольцы играли не последнюю роль.

Молодой писатель давал интервью, ездил на встречи с читателями и выступал по радио. Началась звездная жизнь. Трифонов купил автомобиль, нанял шофера, отремонтировал семейную дачу и женился на красавице-артистке Нине Нелиной, которая и сама, и по статусу своей семьи занимала высокое общественное положение. Ее отец Амшей Нюренберг был уважаемым художником, комиссаром искусств в Одессе после революции, соратником Маяковского по Окнам РОСТА, культурным послом СССР в Париже, командированным туда в таком качестве Луначарским в 1920-е годы, и одним из основателей Союза художников.

В одной из анкет Юрий умолчал об аресте своего отца Валентина Трифонова в 1937 году как «врага народа», ему грозило исключение из комсомола. К счастью, райком общественную инициативу не поддержал и снизил степень наказания до выговора.

Тем не менее это был серьезный удар. К тому же читательский интерес уже переключился на другие литературные новинки. Спектакль, поставленный по книге «Студенты» в театре Ермоловой не получился. Деньги от премии истощались, Машину пришлось продать, а шофера уволить.

Перед Трифоновым встала задача – написать вторую книгу. Новая тема не находилась, да и не обо всем можно было писать. Главный редактор журнала «Новый мир», Александр Твардовский советовал: «Вы теперь должны поднять новый пласт. Поехать куда-то на стройку, на завод».

Трифонов вспоминал: *«Надо было уехать. Все равно куда, все равно как, самолетом, пароходом, на лошади, на самосвал, но уехать немедленно. Почему мне стало так худо – это другая история».*

Трифонов с рождения принадлежал к советской элите. Его отец Валентин Андреевич был профессиональным революционером, с братом Евгением они вступили в партию большевиков уже в 1904 году. Отец находился вместе со Сталиным в Туруханской ссылке, участвовал в создании Красной Армии, был торгпредом в Финляндии. Трифоновы жили в знаменитом «доме на набережной» напротив Кремля и имели дачу в правительственном поселке в Серебряном Бору. После ареста отца в 1937 году семья осталась с бабушкой по линии матери Татьяной Словатинской, которая тоже задолго до революции вступила в партию и принимала на своей конспиративной квартире в Петербурге и Ленина, и Сталина, а впоследствии работала в секретариате ЦК. Бабушка была предана большевизму так, что ни расстрел зятя Валентина, как врага народа, ни 8 лет лагерей дочери Евгении Лурье (матери писателя), ни уничтожение многих соратников по партии не поколебали ее преданности большевизму. Семья жены Трифонова также была абсолютно лояльна, а сама Нелина была солисткой первого театра страны и членом партии.

Выбор тем ы нового произведения был для молодого Трифонова ограничен. Память о репрессированных родителях делала революционную тему и слишком болезненной, и слишком рискованной. Не побывав на передовой Юрий Валентинович не мог состязаться с писателями-фронтовиками. Оставалась трудовая тема, которую надлежало воплощать в стандартах социалистического реализма. Ее следовало раскрывать масштабно и по-пролетарски, то есть герои – рабочие, труд – сродни подвигу, а свершения – на общегосударственном уровне.

Выбор Трифонова пал на Туркмению, где строился Большой Каракумский канал. Там решались задачи не только освоения пустыни, но и культурного развития региона в свете национальной политики партии. Тяжелейшие условия труда порождали производственные конфликты, на которых можно было построить крепкий сюжет. Удаленность от Москвы и экзотическая романтика вселяли надежду, что можно будет обойтись без излишнего политизирования.

Идея орошения пустыни, поворота рек была очень древней. Как высокопарно выражались люди Востока: «Поворот Аму-Дарьи из Арала в Каспийское море – вековая мечта туркмен». Правда, никто не мог предвидеть последствий – обмеления Аральского моря и экологической катастрофы.

Я жила в Туркмении и эта тема мне знакома. Ранее, когда ехали на поезде в Москву, то проезжали по территории Узбекистана и Казахстана, тогда Аральское море буквально подходило к железнодорожным путям и видны были лодки и паруса, это была середина 60-х годов. Последний раз я проезжала по этому пути в конце 90-х, море отступило очень далеко, его из окон поезда видно не было, куда ни глянь лежал песок. Море и реки, его питающие, Аму-Дарья и Сыр-Дарья, очень обмелели.

В начале 1950-х годов люди искренне верили, что будущий канал полностью изменит жизнь республики, превратит пустыню в цветущий сад». Юрий Трифонов тоже в это верил.

«Мотался по Каракумам на вездеходах, на верблюдах, на маленьких самолетиках, знакомился, узнавал, записывал, пытался написать сначала в виде рассказов.

Зимой донимали холода и ветры, а с весны начиналась другая мука. Все живое в пустыне пряталось от жары, змеи и суслики дремали в норах, ящерицы зарывались в песок. Стоило поддержать ящерицу пять минут на солнцепеке, и она варилась живьем.

Люди работали. Кабина экскаватора накалялась, как котел на огне, за рычаги голой рукой не берись. И ветры каждодневные, еще страшней, чем зимой: палящие, крутыми волнами набегающие из афганского пекла. Так и звался этот ветер – «афганец». Песок от жары делался легким, крошился в пыль, и «афганец» носил его над пустыней несметными тучами. Иногда небо вдруг меркло, как во время затмения, песок тоннами поднимался ввысь, свистел, грохотал, бешенствовал, опрокидывал навзничь, заполнял все и вся своим затхлым, удушающим запахом, и сквозь его темную, ураганную толщу солнце едва мерцало, наподобие бледной луны».

Тысячи людей и сотни машин работали на всей четырехсоткилометровой трассе, разделенные на два отряда: один шел с востока, ведя за собой амударьинскую воду, другой пробивался ему навстречу посуху, со стороны Мургаба.

Сначала писал рассказы и пытался напечатать, но были трудности. В одном из рассказов упоминалось землетрясение, произошедшее в Ашхабаде в 1948 году, истинный масштаб и число жертв его умалчивалось. Рассказ был отвергнут всеми журналами и радио. Да, я помню, это так и было.

Юрий Валентинович писал: «Мы идем по городу, обезображенному страшной бедой. Говорят, когда-то он был красив. Говорят, что он был необыкновенно зеленый и уютный. Зелень осталась. Деревья стоят на земле гораздо прочней, чем дома. Великолепные тополя, мощные акации и шатровые, раскидистые карагачи в уборе гремучей, тусклой от пыли листвы стоят на своих местах, где они были посажены полвека назад. Ужас той ночи пронесся мимо них. Исчезла или же навсегда изменилась жизнь, журчавшая под их сенью, и остался от нее окаменевший бред, мираж: кирпичный мусор бывших домов, забитый травой и пылью, изломы бывших тротуаров. Как хорошо быть деревом! Как хорошо ничего не помнить! Весь город лежит во тьме, а над головой – цветущее яркими звездами небо. Оно кажется живым от звезд, оно переливается, искрится, в нем бродят свечения, голубоватые и серебряные, колышется беспредельный свет, оно светлое. И только на южном краю темно и беззвездно. Там горы. Сейчас они черные, как земля, по которой мы идем». Рассказы были собраны в книгу «Утоление жажды»

В 1966 году по мотивам романа Юрия Трифонова «Утоление жажды» на киностудии «Туркменфильм» вышел 2-х серийный чёрно-белый фильм, поставленный режиссером Булатом Мансуровым. В кино главного героя старого рабочего Марютина, у которого был конфликт с Нагаевым – экскаваторщиком, играл Борис Алейников. Эта роль стала его последней ролью в кино.

С судьбой этой большой стройки тесно связаны судьбы многих героев фильма: корреспондента Корышева, вскрывающего ложь показушных клеветнических статей своего коллеги Зурабова; талантливого молодого инженера Карабаша, передовые методы строительства которого находят поддержку у начальника стройки Ермасова,

озлобившегося старого инженера Хорева, который из зависти к Карабашу пишет доносы на него и Ермасова.

В туркменских рассказах впервые стало формироваться кредо Трифонова: **в каждом человеке столько же плохого, сколько и хорошего**. Он, не идеализируя своих героев, сочувствовал им. Так же он видел и себя, и своих близких, которых изображал в своих произведениях без упрека, но и без снисхождения. В рассказе «Очки», вошедшем в роман, заявлена позиция автора. Казалось бы, отрицательный персонаж, но первым приходит на помощь и бросается спасать девушку, попавшую в песчаную бурю. Хорошее и плохое, так и следовало видеть людей.

Пока Трифонов собирал материал для романа в стране произошли изменения: смерть Сталина и XX съезд партии. Началась знаменитая «оттепель». Читатели переключились на другие темы и Твардовский на других авторов. Когда Трифонов принёс в «Новый мир» свои рассказы, то Твардовский, который выписывал ему командировки в Туркмению, оказал Трифонову прохладный приём. Рассказы с тонким психологизмом и своеобразным колоритом вместо трудовой темы, Твардовский отказался печатать. Уязвлённый и разочарованный Юрий отдал свои рассказы в журнал «Знамя» и уже на 6 лет он стал автором в этом журнале. Прервавшиеся отношения Твардовского с Трифоновым возобновились после выхода в свет документальной повести «Отблеск костра», после трагической гибели его жены Нины Нелиной в 1968 году

Долгие годы его связывала дружба с редактором журнала Софьей Разумовской. Софья Дмитриевна отличалась врожденным чутьем к хорошей литературе и умением добиваться от писателя максимального результата.

Хотя во время войны Трифонов работал на авиационном заводе и хорошо знал жизнь рабочих, он до конца с ними не сроднился. Много времени он провел и на стройке в пустыне, в экспедициях и в провинциальных редакциях, но все же и там ощущал себя временным гостем: *У меня всегда щемило сердце, когда я встречался в пустыне с людьми, которые обязаны были там жить и работать долгие месяцы, годы. А я, едва познакомившись, быстро прощался с ними и уезжал навсегда. Мне казалось, что я чем-то виноват перед ними. Я слишком быстро прощался.*

В романе «Утоление жажды» в центре повествования громадная стройка, вокруг которой объединялись романтики-энтузиасты. Освоение новых территорий, привлечение молодежи, осуждение стяжателей и карьеристов – все эти темы соответствовали жанру производственного романа. Одновременно целые разделы были посвящены истории пустыни, происхождению идеи строительства канала. В книге существовал еще третий пласт, куда можно отнести размышления автора об историческом времени, о трагедии поколения его родителей и драматичных поворотах собственной судьбы.

Самыми живыми и правдивыми оказались эпизоды, основанные на личном опыте. В них угадываются персонажи из близкого окружения Трифонова: интеллигентные люди, преимущественно из Москвы, журналисты, инженеры, геодезисты, биологи (биологом была и его сестра Татьяна Трифонова). Их он понимал и показывал лучше всего.

В характер журналиста Корушева, от лица которого ведётся повествование, Трифонов вложил много личного, он также как автор оказался сыном врага народа.

Трифонову был близок и другой персонаж – фотограф Кузнецов, который, вернувшись из немецкого плена, не мог найти места в жизни. Отверженность испытал и автор Трифонов.

Вероятно, похожие личные обстоятельства определили характер самого Трифонова. В жизни он был сдержанным, немногословным и даже немного мрачным человеком. Но это были скорее приобретенные, чем врожденные качества. Его молчаливость объяснялась тем, что сначала в школе, а позже в институте ему приходилось многое утаивать, в первую очередь арест родителей. Поэтому ему нелегко было раскрывать свои чувства перед посторонними.

*

Роман был наконец напечатан. Критика и публика восприняли его довольно сдержанно. Это был первый роман о туркменском канале, но написанный не туркменом. Автор хоть и понимал пустыню, но воспринимал ее слишком отстраненно. Он добросовестно описывал строительство и судьбы рабочих, но темой проникся не до конца. Некоторые персонажи имели чисто условный характер. Много было написано о Москве и москвичах, но при чем тут тогда Туркмения? Было восхищение грандиозной стройкой социализма, но и пессимизма хватало с избытком. Роману недоставало цельности.

Среди тех, кто откликнулся рецензией на книгу «Утоление жажды» оказалась будущая вторая супруга Трифонова редактор издательства «Политиздат» Алла Пастухова.

Туркмения много дала Трифонову. Отдаленность от Москвы способствовала свободному выражению мысли без постоянной оглядки на цензуру. Дистанция извиняла проявление нелояльности, которая порою прочитывалась у него между строк. Всегда можно было сослаться на то, что отрицательные эмоции были навеяны непривычной обстановкой.

Из слов Трифонова следовало, что он придавал своим путешествиям гораздо более серьезное значение, чем было принято думать. Свою юношескую страсть к туркменской пустыне он сравнил с любовью к женщине. Нельзя было отказаться от собственных увлечений, надежд, заблуждений. Тут он был тверд:

Ради этого Трифонову стоило ездить в Туркмению.

В пустыне Каракумы время замерло. В ней почти физически ощущались следы веков. Пустыня представлялась Трифонову большими песочными часами. Вечное движение песка было жизнью. Сам песок служил символом смерти. Песок перетекал во время, а время в песок:

«Когда идешь по бархану вниз, ноги погружаются в песок до щиколоток. Это похоже на ходьбу в воде. Тихо шуршит, струится белый песок, пластами сползая вниз. Мне кажется, что я погружаюсь в вечность, плыву в песке огромных песочных часов. Цивилизация и царства, орды завоевателей, народы бесчисленные, как песчинки, — все перемолото временем, все превратилось в тихо шуршащий, белый, безмолвный песок...

От этих мыслей возникает исподтишка чувство приятного превосходства. Черт возьми, моя очередь еще не скоро!..

Шуршит и льется песок в песочных часах вечности, и мы не замечаем этого, как не замечаем, например, вращения земли. Но иногда бег времени становится поразительно ощутимым, и вдруг мы слышим его, как нашу кровь, стучащую в висках».

После публикации романа «Утоление жажды» Трифонов повернулся к совсем к другим темам: исторической преемственности, нравственным конфликтам и неоднозначности моральных оценок, к тому, что сделало его по-настоящему выдающимся писателем. Завершением азиатской эпопеи Трифонова можно считать его рассказ о Монголии «Ветер» (1970). В романе «Утоление жажды» шла речь о «нехватке воды», о жажде справедливости и свободы после смерти вождя, а новый рассказ – о нехватке воздуха, о потере надежд, подразумевались суровые действия против диссидентов. Иносказательная манера прозы Трифонова продолжалась.

В документальной повести «Отблеск костра» Трифонов пишет; «На каждом человеке лежит отблеск истории. Одних он опаляет жарким и грозным светом, на других едва заметен, чуть теплится, но он существует на всех. **История полыхает.** Как громадный костёр, и каждый из нас бросает в него свой хворост».

Наверное, здесь надо закончить.

Отец писателя Валентин Андреевич Трифонов стоял близко к костру, раздувал его пламя и сгорел в этом пламени. Жизнь его Юрий проследил по документам: письмам, запискам, телеграммам, протоколам, газетам, письмам, заявлениям, картам, листовкам, которые сохранились в личном архиве. Профессиональный революционер, большевик, прошедший тюрьмы и ссылки. Отец писателя вместе с братом Евгением в 1904 вступил в партию в Ростове. Лучшие годы с 17 до 26 лет провёл в ссылке, в Туруханске, а брат Евгений в Тобольском центре, на каторге. Каторга – это не ссылка, там заключённые находятся все время в кандалах. Каторга придумана была для убивания духа, а дух-сопротивлялся. Евгений Трифонов писал на каторге стихи, а потом в Александровском центре, куда его перевели в 1913 году. Тоненькая книжка этих каторжных стихов «Буйный хмель» вышла после революции. В стихотворении «Утро» он пишет

Звонок поднимет нас в ноябрьской мутной рани,
И свет чадающих ламп сметёт обрывки грёз.
И окрик бешеный, и град площадной брани...
Пора вставать, – эй, подымайся, пёс!

«Человек отдельными поступками не измеряется»

В романе Юрия Трифонова «Старик» Шигонцев и Данилов читают стихи Егора о каторге: «Звонок подымет нас в ноябрьской мутной рани, / И свет чадающих ламп сметет обрывок грёз...» Прототипом комиссара Данилова был Валентин Трифонов, а Егора Самсонова — Евгений Трифонов. Это он, вернувшись в Петроград, возглавил милицию путиловцев, это его стихотворение «Утром»,

В повести «Отблеск костра» Юрий Трифонов называет участников Туруханской ссылки: Свердлова, Дубровинского – соратника Ленина, Сталина и других. Трифонов пишет не только об отце, но и его ближайших друзьях, таким другом был Арон Сольц, уроженец Вильно, который в 1937 году, когда начались Сталинские репрессии, стал требовать доказательства вины тех, кого называли «врагами народа», в том числе по делу Валентина

Трифонов. Он не верил, что Трифонов враг народа. Пытался добиться приёма у Сталина, с которым работал в питерском подполье и спал на одной койке.

Подробно пишет Юрий Валентинович о своей бабушке Татьяне Александровне Словатинской по матери и её квартире в Петербурге на 16-ой линии Васильевского острова, квартира стала конспиративной, а бабушка была членом партии с 1905 года. Несколько дней на этой квартире прожил Сталин, партийная кличка его Василий. По её воспоминаниям, в 1912 году Сталин много писал и руководил кампанией по выборам в Думу. Бабушка была у него связной, выполняла поручения по связям с людьми, передавала документы., была секретарём на собрании, которое вёл Сталин у неё на квартире.

В 1913 году Сталина арестовали, в то время он жил на квартире Малиновского, Сталин подозревал, что он его и выдал. Провокатор Малиновский после революции был расстрелян по приговору партийного суда.

Воспоминания бабушки Юрия Трифонова были написаны ею в 1957 году незадолго до смерти. О Сталине уже много было сказано на 20 съезде, но отзвука боли: от разрушенной Сталином семьи – погиб зять, 8 лет отбыла в ссылке дочь, сын Павел был сослан – нельзя было найти в воспоминаниях. Слепая вера или привычка к конспирации?

Долго колебался Юрий Трифонов помещать её воспоминания в свою книгу, но у него идея – написать правду, какой бы жестокой и страшной она не была, перевесила.

А правда ведь пригодится – когда-нибудь!